

Он не позволил себе и своей команде бездельничать на Тортуге, решив сделать Испанию козлом отпущения за все свои муки. Это вело к достижению двоякой цели: удовлетворяло кипящую в нем жажду мести и приносило пользу — конечно, не ненавистному английскому королю Якову II, но Англии, а с нею и всей остальной части цивилизованного человечества, которую жадная и фанатичная Испания пыталась не допустить к общению с Новым Светом.

*Рафаэль Сабатини.
«Одиссея капитана Блада»*

Автор благодарит всех участников форума ВИФ2пе (и не только), чья помощь в работе над этой книгой была воистину неоценимой. Отдельное спасибо Алексею Куприянову, Андрею Союстову и Александру Москальцу, а также Сергею Махову.

ПРОЛОГ

*Год 1763-й ОС, 11-е аллира,
Риколет-нар-Арм, старый форт*

Боишься? — спросил Тайкен.
— Кто, я? — вскинулся Нюр. — Да я...
Конечно же, он боялся. Легендами о подземельях старого форта — завывающих призраках, гремящих ржавой амуницией скелетах и прочих тамошних «жителях» — успешно запугивало себя не одно юное поколение Арма. И само собой, Нюр никогда и никому в этом не признался бы. Даже своему лучшему другу и напарнику.

— Тай, да с чего ты вообще взял, что я боюсь?

От возмущения он даже взмахнул острой. Но Тайкен то ли решил щегольнуть невозмутимостью, то ли действительно не обратил внимания на мелькнувшие около его плеча зубцы — вытянув шею, он старательно разглядывал черный провал входа.

— Ну и дурак.

— Что-о-о? Ну ты... думаешь, раз на год старше, так и все можно?! Вырядился тут... прям на парад!

От обиды Нюр ошибся дважды. Во-первых, рубашку Тая сложно было счесть парадной формой даже по сравнению с рваной тельняшкой самого Нюра — и в лучшие свои времена она числилась всего лишь повседневной номер два. Пройдя же через интендантские ведомства двух армий, жаркое южное солнце и бесчисленные стирки дешевым казенным порошком, рубашка лишилась не только рукавов, но и первоначального цвета темной оливы, приобретя взамен землисто-серый оттенок и статус ветоши для протирки амуниции.

Во-вторых же, Тайкен был старше друга ровно на год и месяц, а тринадцать и один против двенадцати — и в самом деле большой срок...

...и не только для мальчишек.

— Дурак, говорю, — повторил Тайкен. — Не слышал разве: на прошлой неделе одна компашка тут на пикник расположилась, ну и два героя — вроде тебя — отправились подземелья исследовать. И все, с концами. Верхние два этажа гварды осмотрели, а в затопляемые, понятное дело, даже и соваться не стали.

— А-а, так вот чего «белые шапки» тут два дня шныряли, — протянул Нюр. — И что теперь, форт закроют?

— Он и сейчас вроде как закрытым числится, — Тай мотнул головой в сторону проволочного забора. — А делать нормально, по правилам — вышки новые поставить, прожектора, охрану, сторожевое заклеить, — так это деньги, а кто ж их даст? Брат вчера рассказывал: гварды на военных карту перекинуть пытались — мол, ваша забота. Ну а генерал Хименес им: ни фига, ребятки, мол, земля та давно уже передана в юриспр... юр... короче, передана гражданским властям. И добавил, что, если у кого дурости хватит по тамошним подземельям лазать, пусть их Князь Ночи забирает, мол, такого добра не жалко!

— Так вот чего шныряли... — повторил Нюр. — Я-то думал, клад ищут.

— Клад? — насмешливо переспросил Тайкен. — Хе... это ты здорово сказал. Наверно, думал долго. Ну откуда в старом форте кладу взяться, а?

— А вдруг? — запальчиво возразил напарник. — Может, во время войны какой-нибудь маг, ну или просто миллионер взял да и задумал свои богатства в надежное место упрятать.

— Так и вижу чудную картину. — Тай засунул большие пальцы за пояс и выпятил губу, явно подражая старшему капралу Хавьера, личности для обоих друзей легендарной — в смысле, не виданной живьем, но преотлично знакомой по рассказам старшего брата Тайкена. — Миллионер, значит, вскакивает среди ночи, сломя голову несется в банк. По дороге, значит, вызванивает тана директора, ну чтобы тот подвальное хранилище отпер, и заклинателя, охранную сетку снять. Забирает, значит, из личного сейфа шкатулки-шмутулки всякие, прикатывает сюда и спрашивает, значит, у шторм-полковника Гойница:

«Тан комендант, не положите ли мой ящичек в арtpогреб?»

Нюр обиженно уставился на коленки напарника. Точно такие же, как и его собственные, за вычетом светлой на фоне загара полосы кожи — памятки о недавней встрече со скатом-бородачом.

— Ну мало ли... всякое бывало.

— Упрямый маленький кельбр, вот кто ты есть. Просто не хочешь признать, что я в очередной раз прав и никакого клада здесь быть не может!

— Может! Ладно, пусть не миллионер... а хотя б и ящик с казной! Тут же народу много было, и всем на-верняка жалование полагалось.

— Наверняка, — кивнул Тай. — Только платили его купюрами, бумажками то есть. И бумажки эти в морской воде давно уже в пыль растворились.

— А они в броневом ящике, вот! И под заклатьем!

— И потом, — усмехаясь, добавил Тайкен, — вспомни, что старая тана Кериоза рассказывала. После войны этими деньгами только что улицы не мостили — кто на стены клеил вместо обоев, кто прикуривал... инфляция, слышал такое слово?

В поисках аргументов Нюр принялся озираться по сторонам.

— Тай, смотри! — радостно воскликнул он. — Солнце уже во второй четверти, а мы тут языки натираем. Так дождемся, что плыть в полдень придется, в самое огнепекло.

И, не дожидаясь ответа друга, запрыгал вниз по щербатой лестнице.

Его напарник, продолжая посмеиваться, наклонился, поднял с растрескавшегося бетона сумку и неторопливо зашагал следом.

Они прошли мимо массивных куполов бронебашен, слепо нацеливших вдаль ржавые хоботы оружейных стволов — кроме одной, словно консервная банка вскрытой «радужной молнией». Мимо зенитного дворика — отсюда пушки вывезли, оставив лишь заделанные в основание площадки полушиты. Мимо воронки-звезды — следа прорвавшегося пикировщика, исчеркавшего бетон осколками сверхтяжелой фугаски. Мимо «дамских шляпок» пулеметных дотов внешнего пояса. Мимо ежей, между которыми кое-где по-прежнему виднелись ржавые космы колючей проволоки.

За ежами старый форт кончался и начинался форт древний — заросший травой и пальмами. Его близнец на другом берегу бухты сохранился не в пример лучше — туда возили туристов, и по торжественным дням старинные чугунные «длинные рыла» весело плевали тугими белыми облачками холостых залпов в иллюзорные стаи парусников.

Этому же — не повезло. Сначала его заслонил от города новый форт, а потом и новый стал старым, переступив свою заботу ревущим в небесах самолетам, прикрытым камуфляжными сетями ракетным пусковым и еще кое-чему, до жути секретному, притаившемуся до поры под многослойной бронированной скорлупой и «туманными щитами» контрзаклятий. Здесь который век царила лишь тишина, и две-три еще видневшиеся сквозь траву пушчонки давно уже не слышали грохота выстрелов. Лишь волны штормового моря заставляли старые камни вздрагивать — почти как века назад.

— Куда сегодня поплывем, а?

— Посмотрим, — неопределенно сказал Тай.

— Давай к Челюсти Пса махнем, а? Там... — Не договорив, Нюр ойкнул и принялся скакать вокруг напарника на одной ноге.

— Занозил?

— Не... — Замерев на месте, Нюр по-птичььи наклонил голову, пытаясь разглядеть левую пятку. — Наступил просто...

— Говорил же, иди по тропе. Тут ведь и мины были, ловушки...

— Ой, да ладно, Тай, — отмахнулся мальчуган. — Ты сегодня что-то весь такой правильный, аж смотреть противно. Поплыли к Челюсти, ну давай?

— Я же сказал: посмотрим.

— На что? Опять будешь пытаться по кубику гадать?

— Сначала нырнем пару раз ближе к берегу. — Тайкен потер локоть. — Там, где начинается двадцатиярдовая изоб... ну, где мы миску оловянную нашли, помнишь?

— А зачем? — Нюр смешно наморщил нос. — Мы ж там уже все дно исходили.

Тайкен ответил не сразу. Сначала он вскинул руку и, щурясь, глянул вперед — туда, где весело прыгали по волнам несчетные стайки солнечных лягушат. Кроме них, в море сейчас не было почти никого. Лишь слева, то и дело растворяясь в бликах, мелькал длинный корпус идущего к входу в гавань сухогруза, да сразу за молотом белел парус яхты... и, как всегда, маячил у самого горизонта тонкий хищный силуэт сторожевика.

— Шторм был сильный. Может, что-нибудь появилось.

— Ну, ты как хочешь, а я в глубину не полезу, —

заявил Нюр. — Потому как не знаю насчет всяко-разного, а вот холоднучей воды твой шторм точно нагнал. Поберегу себя для Челюсти, вот.

— Спорим, передумаешь? — усмехнулся Тайкен.

— Кто, я? Да никогда!

Разумеется, он передумал. Впрочем, к тому моменту, когда их «Танцующая тартанеллу», неспешно переваливаясь через волны, отошла на милю с четвертью от берега, об этом споре давно забыл и Тай.

— Ну, скоро уже?

— Нет, уже почти... — Из-за оставшейся пока что длинной зыби сравнивать маяк с «палочкой-дальномерочкой» — как гордо поименовал свое изобретение Тайкен — было не очень-то с руки. — Где-то здесь.

— Тогда я пошел.

— Стой... — запоздало дернулся Тай, но его напарник уже обнял балластную каменюку и шагнул за борт. Чисто, почти без всплеска — доверяй Тайкен приметам, он бы мог решить, что погружение будет удачным.

На исходе же девятой минуты он был твердо уверен в обратном.

— Ва-а-а-а...

— Ума лишился? — почти крикнул Тай, помогая бледно-синему, в пупырышках, нырлящику перевалиться через борт «Танцующей». — Нырнул и пропал... жду-жду... думал, сейчас придется самому под воду лезть!

— У-у-у т-те-е-бя же не-е-е-ет а-а-аму-у-улета.

— А у тебя нет мозгов, — ожесточенно роясь в сумке, бросил Тай, — ну куда ты там сгинул, скажи? Дева Моря встретил?

— Та-а-ам ко-ора-а-а-абли!

— Что?!

— С-хо-о-оди по-о-осмотри! Н-нове-ехонькие п-причем. Ну, т-то есть с-с-старинные.

— Так новехонькие или старинные?

Вместо вразумительной речи дрожащий Нюр скрестил руки, изобразив при этом ладонями нечто замысловато-запутанное.

— На, глотни.

— С-спасибо, — отстучал зубами по стеклянному горлышку бутылки напарник. — Ах-кха! Я-а...

— И не мешай.

Отвернувшись, Тай заученной скороговоркой пробормотал молитву. И, ощутив, как знакомо потеплел медный диск амулета, подхватил камень, выпрямился, с силой оттолкнулся от борта и ушел в воду, словно клинок, почти без всплеска — как и напарник.

Корабли он разглядел почти сразу — амулет не только позволял дышать под водой, но и «подправлял» зрение.

Они стояли почти на ровном киле, прижавшись друг к другу — как и века назад. Почти не обросшие — наверно, именно это и пытался сказать Нюр, назвав их «новехонькими». Как это вышло, в каком сундуке хранил их Морской Старец? До шторма их не было здесь, даже кончик мачты из песка не торчал, а сейчас — два корабля, ну надо же!

Один большой, трехмачтовый... и трехдечный, мысленно добавил Тайкен, глядя на ряды черных прямоугольников. Княвдигед в виде рвущегося вверх дракона, точь-в-точь как у модели в музее, — а значит, перед ним был ликтский «бог войны», сто-или-боль-

ше-пушечный линкор. Все орудия правого борта были выдвинуты, и хотя мальчишка понимал, что видит всего лишь заросшие ракушками скелеты прежних грозных батарей... все равно стоять под их прицелом было жутковато.

Те, кто плывал на втором корабле, знали это не понаслышке.

Второй был раза в два меньше линкора. Обе мачты сбиты, надстройка испятнана дырами, проломы в палубе и борту — и Тайкен ни на миг не подумал, что причиной этих разрушений были пронесшиеся над морем века. Нет, именно таким этот корабль и ушел под воду — избитый хлещущими в упор залпами... намертво вцепившись абордажными крючьями в своего врага.

Под шеей ошутимо кольнуло — амулет напомнил, что прошла уже половина срока. Только сейчас мальчишка осознал, что уже добрых пять минут простоял на дне, — и, выпустив наконец камень, поплыл вперед.

— Ну что там?! Что ты видел?!

Они поменялись ролями — теперь Нюр нетерпеливо ерзал по скамье, пока напарник пытался одновременно закутаться в драное полотенце и глотнуть жгучего деревенского рома.

— С-с-сх...

— Ты их видел? А это что? Ай!

— Д-думаю, к-кинжал.

— Кинжал?

— Ну-у, к-кортик. Он б-был промеж ребер у о-одного с-скелета, — хрипло пробормотал Тайкен. — А в-второй сжимал его... сам видишь. Повезло еще, что только запястье отломилось, а не вся рука.

Нюр молча кивнул, не в силах отвести взгляд от полускрытых ракушками костяшек.

— Думаешь, это не простой клинок?

— А ты п-посмотри. Видишь, рукоять заросла. — Тайкен сделал еще глоток и снова закашлялся. — Зато на лезвии только песок да ил. Пяткой бью, не простая сталь у этого ножика. Вот, смотри...

Он потерял свою добычу краем полотенца — и в самом деле, покрывавший лезвие налет сходил почти без усилий. А под ним...

Тай выронил кортик.

— Великий Огонь, — ошеломленно выдохнул Нюр. — Это же... ведь это же...

АНЧАРОВЫЕ ФИНИКИ

Наш мир и достаток зависят от
Божьего промысла и военно-морско-
го флота.

Английский король Карл II (1660—1685)¹

Год 1463-й ОС, 8-е менура, Таррим

— **Д**оброй зари, тан Диего.
Эти слова были произнесены вполне
обыденным тоном, а прозвучали будто
приговор — тому волшебному, радуж-
но-зеленому, словно картины работы эльфийских
мастеров... в общем, тому, что всегда остается за гра-
нью сна. Как ни старайся в первые мгновения удер-
жать в памяти ускользающее виденье, оно непременно
уйдет, протечет, словно пролитое вино меж расто-
пыренных пальцев. И останется от него ровно столько
же — лизнуть, почувствовать вкус... но не больше.
Обидно до жути.

— Доброй зари тебе, мерзкий старикашка.

Тот, к кому были обращены эти слова, неожиданно
рассмеялся. Негромко — но и этого хватило, чтобы тан
Диего приподнялся над подушкой, приоткрыл глаза —
точнее, один, правый — и с удивлением посмотрел на
стоявшего рядом с кроватью человека. Среднего роста,
широкоплечий, длинные седые волосы стянуты в тугий
пучок на затылке, в черных зрачках гарцует эскадрон

¹ It is on the Navy, under the goon providence of God, that our wealth
and peace depend (*англ.*) — эта надпись выгравирована на фасаде Ко-
ролевского Военно-морского колледжа в Дартмуте.

смешинок. Даже те немногие, кто сумел бы угадать, что Вальдес Марратоа уже начал счет шестому десятку лет, вряд ли назвали бы его «старикашкой».

Для начала — большинству страх за целостность шкуры придержал бы язык.

— Чему ты смеешься?

— Я просто вспомнил, как впервые услышал этот ваш ответ, мой тан. Ровно девять лет назад.

— Разве? — удивленно переспросил Диего. — Мне казалось...

Он замолк, вспоминая. Тогда у вошедшего в его спальню мужчины седина едва пробивалась сквозь черноту, да и морщин было куда меньше. И назвать его мерзким старикашкой мог разве что тринадцатилетний мальчишка...

...для которого в мире, казалось, навсегда померк свет.

...и пока не знавший, что этот человек отныне заменит ему отца.

...а может, и станет чем-то большим.

— Мне казалось, это было целую вечность назад.

— Для юности так оно и есть, мой тан, — сказал Вальдес. — Кажется, будто время тянется невероятно медленно. Это для нас, мерзких старикашек, все года выглядят одинаковыми, как потерянные гвеллы.

— Неужели я не сумел разбавить эту одинаковость?

Марратоа изобразил глубокую задумчивость.

— Пожалуй что нет, мой тан. В сравнении с моей собственной порой возмужания последние годы были, хм, не слишком остры. Но, — добавил он, — также не могу сказать, что вы не старались.

— Что поделать, Валь, что поделать. На мою долю не выпало ни осады Фолти, ни Гильремара. Даже на Фапланский поход я опоздал повзрослеть.

— Пока не выпало, тан Диего. И поверьте, это не та вещь, о которой стоит печалиться. Ибо мир — ужасно непрочная штука. Да и в тихие годы возможностей лишиться головы лишь самую малость поменьше, чем в разгар большой королевской драки. Уж это вы теперь знаете ничуть не хуже меня.

— Да. Знаю.

Вальдес несколько мгновений испытующе смотрел на своего подопечного, а затем отступил на шаг и чуть склонил голову.

— Вставайте.

— В такую рань?! Но зачем?

— Тому, — отозвался слуга, — есть две причины.

— Назови хоть одну! — потребовал Диего.

— Завтрак ждет, мой тан.

— Завтрак — это недостаточно веская причина для покидания кровати в столь ранний час, — торжественно заявил Диего. — Вот если бы вместе с кофе и парой гренков меня ждала юная девица с виолоном, готовая усладить звоном струн...

— К сожалению, — сказал Вальдес, — мой тан, вам придется довольствоваться заменой.

— И кто же заменит прелестное создание и ее инструмент?

— Я и учебная рапира. Как обычно, мой тан.

— Почему-то я и не ждал ничего иного. — Сев на кровати, Диего зевнул. — А вторая?

— Вторая?

— Только что ты сказал, что для подъема в эту несусветную рань у меня есть две причины. — Тан зевнул снова. — «Завтрак ждет» было первой.

— Кроме завтрака, мой тан, вас ждет тан Франсиско ги Леннек.

Диего как раз собрался зевнуть в третий раз, но

последние слова Марратоа прогнали остатки сна ничуть не хуже ведра ледяной воды — метод, весьма часто практиковавшийся Вальдесом в первые годы их знакомства.

— Очень надеюсь, — медленно произнес Раскона, — ты не скажешь мне, что прямо сейчас их сиятельство герцог Нуарийский, первый министр Высокого Двора и, если верить слухам, самый могущественный человек в Иторене, тан Франсиско ги Молина ли Гадроке-и-Пеллет ги Леннек, находится вот за этой дверью?

Впрочем, тут же сообразил Диего, в этом случае в руках у слуги вряд ли оказался бы зеленый листок, запечатанный двухцветным воском. Личная печать первого министра, надо же...

— Нет, мой тан. Он, — Марратоа осторожно подцепил ногтем воск, захрустел бумагой, — будет ждать вас в Белом дворце после пятого рассветного гонга.

— Что ж, — отбросив тонкое одеяло, Диего спустил ноги с кровати, — вторая... проклятье, куда я дел чулки?

— Они на стуле справа, мой тан.

— ...причина весома. Стоило бы начать именно с нее.

— Позволю не согласиться, мой тан, — возразил слуга. — Тан ги Леннек, несомненно, очень, очень важная персона. Однако, прежде чем явиться к нему, вы все же должны позавтракать.

— Знаешь, Валь, — Диего соскользнул на пол, вытянулся и принялся шарить рукой под кроватью, — за все эти годы я так и не понял одного. Как человек с таким потрясающим чувством юмора может иной раз оказываться столь же выдающимся занудой.

— Это взаимно, мой тан.

— В каком смысле? — удивился Диего.

— Я тоже не сумел понять одной вещи, мой тан, —

невозмутимо сказал Вальдес. — За все эти годы я не понял, как вам удастся так глубоко загонять под кровать собственные тапочки.

В тот же день

Солнце прошло чуть больше половины своей привычной дороги к зениту, и его лучи уже досуха выпили ночную прохладу из городских камней. Даже гулкий звон четвертого рассветного гонга с трудом проталкивался сквозь колышущееся над булыжником зыбкое марево. Ну а жители славного Таррима старались вне домов перемещаться в каретах или портшезах. Желательно с «лесной прохладой» или «яблоневым садом» — отчего-то нынешним летом именно эти охлаждающие наговоры пользовались наибольшим спросом у столичной знати.

Прочие же горожане, из числа тех, кого милость Великого Огня взамен мирского богатства наделила какими-то иными благами, в эти часы на улице предпочитали не задерживаться. Даже нищих повымело — либо сползли к собору Святого Кхайра, на площади перед которым пенная стена фонтанов дарует избавление от мук ничуть не хуже самих клириков, либо к монастырям Двух Сестер, где тенистый сад и бесплатная похлебка. Или в порт.

Впрочем... медный овал сверкнул, вращаясь, и негромко звякнул о мостовую. Рядом с багровой когтистой лапой, от которой даже в этот зной явственно веяло жаром.

— Бл'год'рствую, тан.

— Ты же обычно не вылезаеть раньше полудня, — сказал Диего. — А сегодня чего стряслось?

— Э-э-э... — тоскливо протянул старый огненный

демон. — Хозяйка выгнал. Гаварыт, мало деньга вчера принес, так ыды, сыды... э-э-э! Нэт покоя, адын бэда!

Он подобрал монетку и вновь принялся кутаться в одеяло.

Для этого бедолаги, подумал Диего, наша белая уличная пыль — все равно что урсийская поземка. Только вот из-под сапог она взлетает не в пример охотнее, а уж стоит прошелестеть ветерку...

— Валь, угадай, о чем я жалею сейчас?

— О том, что фиолетовый камзол еще не вернулся от портного? — предположил Марратоа.

— Нет, с этим я уже смирился, — вздохнул Раскона. — Сейчас же я сожалею, что не родился женщиной.

— Интересное желание. — Вальдес улыбнулся. — В чем-то даже парадоксальное.

— Вовсе нет. Вуаль, мой друг, вуаль. Согласись, нашим с тобой шляпам сейчас была бы кстати эта деталь.

— Тогда уж, мой тан, вам стоило бы родиться в Асадобаде.

— И носить паранджу? — пробормотал Диего. — Что-то в этом есть... хотя... там ведь еще жарче?

— Говорят, что так и есть. Сам я, как вы помните, не вдохновился тамошним гостеприимством.

— Ты же говорил, что тюремщик подставил свою шею только на десятый день.

— На девятую ночь, — мягко уточнил Вальдес. — Но это не меняет сути дела. Темницы, мой тан, схожи меж собой: в Асадобаде, в Иторене, в Кумберлянде — везде и всегда узнику предоставляется лишь темнота, цепи да помой. И сырость, — добавил он, — особенно когда тюрьма строится неподалеку от порта.

— В этом тебе повезло.

— Я склонен полагать, что соседство это не было случайным, — сказал Вальдес. — Живой товар доставляют на кораблях. Вдобавок бухта Золотого Копыта — база галерного флота.

— Понимаю. Их экипажи тоже нужно где-то держать... и желательно поблизости.

— Удачей же, — после недолгой задумчивости произнес Вальдес, — было, что в порту нашлась скаффа.

— И что ее капитан рискнул взять беглеца на борт.

— Криняне, — слегка усмехнувшись, сказал Марратоа, — хоть и числятся подданными Падишаха, но ассанам не стоит поворачиваться к ним спиной. Иначе в этой спине может ненароком оказаться три дюйма доброй стали.

— Я слышал, что с кринянами и остальным не стоит оставлять без внимания свой, хе, тыл.

— Верно, — кивнул слуга. — Но лишь отчасти. Это в основном касается горцев с побережья. Островные же криняне, насколько я их успел узнать, косо смотрят на любителей подобных игр. И если, мой тан, вам случится оказаться среди них, то я бы рекомендовал не поворачиваться лицом к их девушкам.

— Они настолько уродливы?

— Они настолько прекрасны, — в голосе Марратоа послышалась нотка то ли мечтательности, то ли тоски. — И одними лишь глазами ранят сердце ничуть не хуже, чем их братья — своими клинками.

— Что ж, — Диего коснулся груди, словно проверяя, не достал ли его за два моря разящий взгляд красавицы-кринянки. — Спасибо за предупреждение, Валь. Я... постараюсь как можно скорее обзавестись броней от подобных клинков.

— Мудрецы всего мира не придумали еще такой брони, мой тан.

— Однако, — возразил Раскона, — мне доводилось читать, как медальон с ликами Сестер... или же платок со слезами той, кому обещано...

— Читать... — протянул Вальдес. — Читая, мой тан, надо быть разборчивым, ибо мудрости в книгах, как и в жизни, намешано поровну с глупостью. И иной раз оказывается, что Две Сестры — высоко в небе, и та, которой клялся в любви, — далеко за волнами, а черноокая красотка рядом, здесь и сейчас. Из плоти состоит человек, мой тан, и плоть эта — слаба.

— Но вера — сильна! — запальчиво произнес Диего. — И слово чести тана — тверже камня.

— Если бы все было так просто...

— А все и есть просто, Валь, — уверенно сказал Раскона. — Проблема лишь в привычке человека делать вещи сложнее, чем они являются в действительности.

— Сейчас вашими устами говорит юность, мой тан.

Произнеси эти слова кто иной — и Диего пустился бы в спор со всем пылом упомянутой юности. Но с Вальдесом, как он преотлично знал, подобное было бы глупостью — слишком редко его слуга и наставник пускал этот аргумент в ход и слишком часто в итоге оказывался прав.

Точнее — всегда.

Марратоа остановился и, чуть наклонив голову, коснулся края шляпы. Диего с удивлением заметил, как в ответ на это приветствие в окошке проплывающего мимо портшеза мелькнули белые кружева — то ли платок, то ли веер.

— Не знал, что ты знаком с таной...

Раскона нахмурился, вспоминая имя. Герб на дверце портшеза он, да и любой тарримский маль-

чишка, знал хорошо. Слишком хорошо, чтобы именовать его обладательницу иначе, как...

— ...с таной магистром Алой Розы.

— Этому знакомству много лет, — голос Марратоа не дрогнул, и с шага он не сбился. Но Диего знал своего наставника и потому готов был поклясться — сейчас тот видел перед собой не стиснутую серым ноздреватым камнем улочку, а что-то другое. Пролетевшие годы?

— В те времена танессу Францеску чаще представляли как «дочь адмирала ги Алава», чем «лучшая ученица первого курса Кресты»¹.

— Валь, иной раз мне кажется, что ты старше тройных сан².

— Неужели я похож на эльфа?

— Это тебе лучше знать, Валь, не мне, — усмехнулся Диего. — Из нас двоих лишь тебе выпадало лицезреть длинноухих вживую, а не в виде плохонькой гравюры. Вдобавок...

Раскона осекся. Улочка закончилась — резко, словно ее обрубили ударом топора. И хотя Диего шел этой дорогой далеко не в первый раз, все равно у него снова и снова захватывало дух, слишком уж значительным был контраст. Всего лишь один шаг — и серые стены остаются за спиной, а вокруг простор площади Трех Героев. Красная громада храма Святого Педро Сангре справа, Белый дворец — слева, ну а между ними, если верить легенде, два полета ядра. Дед нынешнего монарха недаром заслужил добавку «Предусмотрительный»: наблюдая за тем, как сменилась династия в соседнем

¹ Имеется в виду Высшая Школа Прикладной Магии Сан-Кристобаль.

² Тройной сан, или мардукарий, — монета высокопробного золота, чеканившаяся Эстером Вторым (1245—1273 ОС).

королевстве, он здраво рассудил, что ядро в окно спальни — далеко не самый лучший подарок.

— Идемте, мой тан. Осталось не так много времени, а их сиятельство не терпит опозданий.

— Валь, как тебе удается оставаться равнодушным к этой красоте?

— Я не замечаю ее, — пояснил слуга. — Эти желтые плиты... по мне, слишком похоже на пустыню. А я не люблю пустынь — там нет ничего хорошего.

— В самом деле?

— Поверьте ветерану ливорнийского похода, мой тан. В этих проклятых Великим Огнем землях встречаются только змеи, скорпионы, мантикоры да кочевники. А мест, населенных одними лишь злобными тварями, в мире немного. Впрочем, — спустя десяток шагов добавил Марратоа, — в Белом дворце самые ядовитые пустынные гады не прожили б и часа.

* * *

— Тан Диего Раскона?

В первый момент Диего решил, что к нему обращается слуга — слишком уж вычурным был желтый камзол стоявшего перед ними человека. Вдобавок эта шляпа с белой лисьей опушкой... до сегодняшнего утра Раскона был уверен, что столь вульгарный наряд мог выдумать только лакей, получивший от своего господина пригоршню золотых «на приодеться».

Однако лакеи обычно не таскают за поясом длинных шпаг... и уж тем более не украшают их эфес гербом ги Морра, далеко не последнего в королевстве рода.

— Да.

— Следуйте за мной, — сухо бросил ги Морра. — Вас ждут... одного.

— Но...

— Я найду вас, мой тан, — быстро шепнул Марра-тоа. — Не стоит беспокоиться.

Раскона хотел было пошутить, что ничуть не сомневается в способности Вальдеса найти своего подопечного хоть в Нижних Мирах, а беспокоится о сохранности дворца в процессе поиска. Но желтый камзол уже ступил на лестничный мрамор, а упускать Морра из виду Диего не рискнул. Конечно, во дворце сложно заблудиться, но гораздо труднее, если все же сумеешь это проделать, не стать всеобщим посмешищем.

Ги Морра шел быстро — коридоры Белого дворца были почти так же пусты, как и площадь перед ним. С той лишь разницей, что здесь вместо звонкого журчания фонтанчика тишину нарушал слитный скрип множества перьев, доносящийся из распахнутых настежь дверей. Выглядит по-школярски, подумал Диего. Да, именно так: старший наставник Веланн тоже любил незаметно — как он верил — прошлепать вдоль коридора и заглянуть, не предаются ли его подопечные недозволенным занятиям... вроде лени. Что ж, в каждом трюме свои крысы. Король... точнее, ее величество королева-мать наполняет Эстрадивьяну толпами придворных, кардинал Басиль, по слухам, предпочитает, чтобы его подчиненных не было видно и слышно. Впрочем, те же слухи утверждают, что Башня Светлого Меча выглядит пустой лишь днем, дабы лишний раз не опечалить Отца-Солнце видом тамошних работничков. Графу же ги Карталю в высшей степени плевать, как проводят время его клерки: работают в поле лица или спускают казенные деньги в веселых домах — главное, чтобы баланс правильно сходился. А поскольку чутье на «грязные цифры» у главы казначейства такое, что глазам порой не ве-

ришь... Раскона на миг сбился с шага, снова вспомнив, как ги Карталь брезгливо отодвинул гроссбух, в котором едва успел бегло глянуть несколько страниц. «Куча дерьма. Не знаю, на что надеются эти болваны, подсовывая мне *это*, но здесь зарыта недостача по меньшей мере на двадцать тысяч дукариев. Раскопайте кучу, Муэрия, и найдите мне эти деньги!» Интересно, догадывался ли тогда граф, за хвост какого змеино-го клубка он собрался дергать?

Следом память сдала Диего карту стычки в переулке: ночь, стук дождя, один убийца скорчился у стены в напрасной попытке запихнуть назад содержимое распоротого брюха, труп второго распластался в луже, а еще двое растворились в темноте, Князь Ночи укрыл своих псов плащом. И в переулке остались только Диего, не получивший ни царапины в скоротечной схватке, и Васко Муэрия с порцией свинца под сердцем.

«Главное — не позволяй им убить себя так же глупо!»

Что ж, эту просьбу ему выполнять удается... пока.

Раскона вдруг понял, что их путешествие по Белому дворцу продолжается не меньше пяти минут и за это время они довольно сильно удалились от центральной части здания — в которой, как считалось, не смыкает глаз на благо родины их сиятельство герцог Нуарийский. Коридоры становились все уже, с дверей пропали вычурные завитушки...

— Далеко еще?

Ги Морра не удостоил его ответом, даже не обернулся — и Диего взялся за эфес, словно придерживая шпагу.

— Нет.

Снова лестница, на этот раз узкая, винтовая. На такой удобно держать оборону — сколько бы ни было нападавших, драться будет лишь первый, остальные даже пистолеты в ход пустить не смогут. Да и со шпа-

гой тут не очень развернешься, больше подошло бы что-нибудь короткое. Свет — не обычные факелы, а свечи голубого пламени. Копоти от них нет, и гаснут они разом, стоит лишь сказать Слово Освобождения — а в темноте с легкостью можно будет протанцевать Аркольский балет¹. А может, и танцевать не придется. Просто из этих железных, с множеством круглых отверстий ступеней вдруг вырастут шипы, и те, кто поднимался по этой лестнице, разом пожалеют, что вообще родились.

Если это ловушка... ход был бы изящный, признал Раскона. Правда, ги Каргаль уверен, что заговор полностью разгромлен. Однако всеведение — достоинство лишь Великого Огня, никак не главы казначейства, полагать иное было бы ересью. Кого-то могли не выдать даже при магическом допросе и под пытками. Мог вернуться кто-то из бежавших за границу. И потом, у заговорщиков были друзья, родственники, в числе которых вполне могли найтись не только жаждущие мести глупцы, но и люди похитрее. Например, этот ги Морра. Кажется, Аугусто Саваль, тот, что положил трех стражников, пытаясь прорубиться из окруженного дома, приходился кузенком кому-то из ги Морра. Ну и, наконец, всегда остается золото, лучшая на свете магия, ибо не придумано заклятья, действующего на людей вернее звона монет.

Право же, подумал Диего, очень жаль, что у меня при себе нет чего-нибудь короткого и...

Лестница закончилась, желтый камзол неожиданно юркнул в сторону, и тан едва не уткнулся носом в оスカ-

¹ В 1127-м, во время бала в Аркольском замке рухнула люстра. Когда свет появился вновь, король Жангро и трое высших придворных уже были мертвы. Убийца или убийцы так и остались неизвестными, но принято считать, что король пал от рук эльфов.

ленную пасть полковой эмблемы на перевязи гвардейца-валхака.

...вроде кордов на поясе этого громилы.

— Кто и пошто?

Поскольку ги Морра и на этот раз медлил с ответом, Диего решил проявить инициативу.

— Тан Раскона, — протянул он гвардейцу зеленый листок, — по личному приглашению его сиятельства.

Наклонившись, валхак принялся изучать печать, затем вновь выпрямился и смерил тана взглядом, явно говорящим: «Ходят тут всякие... будь моя на то воля...»

Ответный взгляд Раскона ничуть не менее явно общал: «Как же я рад тебя видеть!»

Действительно, присутствие гвардейца развеивало все подозрения тана столь же основательно, как заклятье архимага — призраков низших уровней. Если желтый камзол имел шанс оказаться родичем заговорщиков, другом или просто подкупленным, то солдат личного полка его сиятельства — никогда. Полудикие горцы из «Нуарийских волков» признавали лишь одного господина.

— Идите же, — нервно произнес ги Морра. — Вас ждут. — И, видя, что Раскона колеблется, повысил голос: — За этой дверью. Шляпу отдайте мне.

«Так просто?!» — едва не выкрикнул вслух Диего. Один стражник, дверь — и ты попадаешь к самому могущественному — после юного короля, разумеется, — человеку в государстве?!

— Идите!

«Раз-два-три—и прочь напасти, слуги Темного, не сглазьте...» — бормотать этот детский оберег было, наверно, глупо, но ничего другого Раскона в этот миг не вспомнил. Он просто вдохнул, словно готовясь к прыжку в глубину, побольше воздуха, взялся за ручку

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
Часть первая. АНЧАРОВЫЕ ФИНИКИ	15
Часть вторая. ГЗУМГАРАЙСКИЙ СЫР	199
Часть третья. КАНТАБРИЙСКОЕ ВИНО	237
Часть четвертая. МОККОВЫЕ ПЛЮШКИ	275
Часть пятая. РЫБА В МУНДИРЕ	315
Эпилог	383
Послесловие	387
<i>Сергей Махов.</i> СТРАСТИ ПО КАРТАХЕНЕ	387
Список литературы	410